

<https://www.doi.org/10.33910/1992-6464-2022-205-49-58>

EDN GDPLGT

Е. В. Сергеева, А. М. Четырина

ОСОБЕННОСТИ ЛЕКСИЧЕСКОГО ВОПЛОЩЕНИЯ БИБЛЕЙСКОГО СЮЖЕТА В РУССКОЙ ПОЭЗИИ

Статья посвящена проблеме лексического представления библейского сюжета в поэтическом произведении. Авторы вводят термин «поэтический библеизм», который может быть определен как точная или трансформированная цитата из Библии, употребляемая в поэтическом тексте для идейно-тематического соотнесения со Св. Писанием. В статье на материале текстов русской поэзии XIX–XX вв. рассматриваются поэтические библеизмы как знаки-маркеры, свидетельствующие об интерпретации, частичной трансформации и переосмыслении библейского сюжета, определяются причины, обусловившие специфику использования поэтических библеизмов в указанных текстах.

Ключевые слова: библеизм, поэтический дискурс, интерпретативная ситуация, знак-маркер

E. Sergeeva, A. Chetyrina

LEXICAL REPRESENTATION OF THE BIBLICAL STORY IN RUSSIAN POETRY

The article studies lexical representation of the Biblical plot in a poetic work. We introduce the term “poetic bibleism”, which can be defined as an exact or transformed quotation from the Bible used in a poetic text for ideological and thematic correlation with the Holy Scripture. The article examines “poetic bibleisms” as markers that indicate interpretation, partial transformation and reinterpretation of the Biblical plot in Russian poetry of the 19th and 20th centuries. The study reveals reasons underlying the specific use of “poetic bibleisms” in these texts.

Keywords: biblical studies, poetic discourse, interpretive situation, marker sign

Проблема функционирования библеизмов в поэтическом тексте, ставшая актуальной еще в 90-е гг. XX в., остается предметом внимания специалистов и в начале XXI в. [6; 7].

Для рассмотрения проблемы библеизмов в художественном дискурсе весьма значимо введенное одним из авторов настоящей статьи понятие «поэтический библеизм» [8; 9]. Под ним понимается точная или трансформированная цитата из Библии любого объема, употребляемая в поэтическом тексте для идейного и содержательного соотнесения с Писанием. Поэтический библеизм употребляется прежде всего с целью экспрессивного и/или эстетического воздействия на читателя. Он используется для напомина-

ния о проблеме, персонаже, нравственной коллизии или сюжетной ситуации Библии и может быть весьма важным элементом поэтического текста.

Содержание некоторых поэтических произведений связано с интерпретацией сюжетов Ветхого и Нового Завета, на что прямо указывают их названия, например, «Аваддон» А. Фета, «Библейские стихи» А. Ахматовой, «Армагеддон», «Видение Иезекииля», «Иуда-апостол» М. Волошина, «Исаак и Авраам», «Сретенье», «Бегство в Египет», «Рождественская звезда» И. Бродского. В подобных стихотворениях количество библеизмов достаточно велико (Лия, Мелхола, Давид, Господь, Авраам, Симеон, пророчица Анна,

агнец, ангел, силы, жертва, храм и др.). Необходимо подчеркнуть, что в упомянутых текстах русской поэзии XIX–XX вв. в центре внимания автора не просто пересказ библейского сюжета, а его интерпретация, частичная трансформация и даже переосмысление.

Библеизм как маркер сюжета Св. Писания указывает на содержание, связанное с семантикой определенной лексической единицы. Подобный библеизм становится основой не только воспроизведения библейских событий, но и переживания вечно актуального сюжета применительно к современности и в соответствии с мировосприятием лирического героя.

В лирическом тексте на основе употребления набора лексических единиц при интерпретации библейского повествования либо событийная канва Библии связывается с внутренним миром лирического героя, либо эти события, проецируясь на восприятие автором определенной ситуации, превращаются в поэтический пересказ библейского сказания, часто с иной расстановкой акцентов. Библеизм может организовывать интерпретативную ситуацию, при которой внутренний мир лирического героя или героини соотносится с содержанием Писания, или становится основой интерпретирующего воспроизведения фрагмента соответствующего сюжета. Примером первого типа текстов могут служить стихотворения А. Ахматовой «Исповедь» и «24 декабря 1971 года» И. Бродского, второй — «Аваддон» А. Фета, «Видение Иезекииля» М. Волошина, «Библейские стихи» А. Ахматовой и «Сретенье» И. Бродского.

Библеизм в любом случае выступает как знак-маркер. Маркером может быть имя собственное, неразрывно связанное с соответствующим сюжетом (Рахиль, Лот и др.), имя нарицательное или сверхсловная номинация (звезда, пастух, древо познания, ковчег завета и др.), а также прямая цитата. Поэтические тексты, развивающие и трансформирующие библейское повествование с помощью употребления подобной лексики, могут быть названы интерпретирующими.

Основу традиции интерпретации библейского текста во многом заложил А. Фет. Его стихотворение «Аваддон» [12, с. 222], интерпретирующее содержание Апокалипсиса, связано с соотношением содержания этого текста с современными поэту проблемами. Хотя конец света в произведении не показан и не предсказан, поэт однозначно сформулировал мысль о своем времени как о периоде тяжелых испытаний.

Текст «Откровения Иоанна Богослова» не просто переосмыслен с точки зрения итога повествования — конец мира в целом или година испытаний, но и трансформирован с целью соблюдения размера, усиления экспрессивности и построения единого сжатого сюжета. Именно явное сокращение текста Апокалипсиса при сохранении единства развития основной сюжетной линии можно считать главной особенностью интерпретирующего пересказа А. Фета.

В стихотворном воспроизведении текста Апокалипсиса можно отметить явные сюжетные трансформации и текстовые интерпретации. Это прежде всего изменение зачина Апокалипсиса: «глас первый, его же слышах яко трубу глаголющ со мною, глаголя: взыди семо, и покажу ти». Лирический герой Фета либо не нуждается в призывах небесного гласа, либо не считает значимым само упоминание об этом голосе. Значительно более лаконично описание картины, предстающей перед повествователем «...и се, престол стояше на небеси, и на престоле седящ: и седяй бе подобен видением каменниаспису и сардинови» [2]. Поэт опускает «стояше на небеси» как само собой разумеющееся при описании Бога и сразу выделяет центр поэтической композиции:

Ангел, и лев, и телец, и орел,
Все шестикрылые держат престол...

В тексте А. Фета «четыре животна» являются львом, тельцом, орлом и ангелом, что, с одной стороны, в полной мере соответствует христианской символике, а с другой —

позволяет охарактеризовать существ около божественного престола предельно лаконично: в приведенном контексте опущено подробное описание внешнего вида и поведения четырех «животных», которые в «Откровении Иоанна Богослова» *подобны* льву, тельцу, орлу и человеку. Однословный эпитет *шестькрылые* заменяет целую конструкцию «едино коеждо их имеяху по шесть крил окрест».

Некоторые изменения в тексте А. Фета обусловлены версификацией. Например, церковнославянское «седашь» может быть заменено либо современной формой причастия «сидящий», либо употребленной поэтом развернутой конструкцией «над тем, кто сидит», которая, видимо, была выбрана как более подходящая для соблюдения стихотворного размера.

В стихотворном тексте опущено также достаточно пространное в «Откровении...» описание локуса, от указания на который остаются только лексемы *молния* и *гром* как наиболее яркие признаки присутствия Божества. Отсутствует также описание славящих Бога старцев, поскольку этот эпизод — побочный для поэта, в центре внимания которого пересказ лишь одного драматического сюжета Апокалипсиса: появление саранчи и связанные с этим появлением страдания всей земной твари. А. Фет выбирает этот эпизод, с одной стороны, как наиболее драматичный и яркий, а с другой — как позволяющий завершить произведение не гибелью мира, а показом тяжелых испытаний для человечества.

В отличие от пространный библейского текста, в небольшом стихотворении может быть представлена только одна сюжетная линия. Это определяет отбор употребленных в тексте А. Фета библеизмов, которые вербализуют сюжетную линию и обеспечивают несомненную близость к содержанию выделенного фрагмента «Откровения...»: *ангел, звезды, лев, телец, орел, престол, конь, саранча, зубы, жало, бездна, дым* и др.

Изменяются также образные средства. Так, сравнительная конструкция «дуга окрест престола подобна видением смарагдови» заменяется более лаконичной формулировкой творительного сравнения:

А над престолом, над тем, кто сидит,
Радуга ярким смарагдом горит...

Один из самых показательных примеров различия словоупотребления сакрального и поэтического текста — употребление лексемы *ангел* в первой строке стихотворения. Подробная характеристика внешности третьего «животного» («имущее лице яко человек») не соответствует требованию краткости поэтического текста; помимо того, в семантической структуре лексемы *ангел* присутствует сема «относящийся к божественной сфере», и, наконец, употребление этого библеизма необходимо автору для компенсации многократного опущения слова *ангел*, которое в стихотворении намного менее частотно, чем в «Апокалипсисе» (3 словоупотребления, причем одно из них, «ангел бездны» — номинация ангела падшего, аггела, анти-ангела). Опущение значительного числа подробностей, «сжатие» до 20 стихотворных строк повествования, которое в Св. Писании занимает несколько страниц, — наиболее характерная особенность интерпретации А. Фетом текста Апокалипсиса.

Поэт исключает из своего текста описание страданий земли до трубы третьего ангела. Показательно, что в стихотворении «Аваддон» не воспроизводится не только фрагмент с «отверзанием печатей», но и развернутая образная конструкция: «бысть трус велий, и солнце мрачно бысть яко вретнице власяно, и луна бысть яко кровь: и звезды небесныя падоша на землю, якоже смоковница отменяет пупы своя, от ветра велика движима: и небо отлучися яко свиток свиваемо, и всяка гора и остров от мест своих двинушася» [2]. Даже яркая образность приведенного фрагмента не заставляет поэта пересказать его, поскольку внимание сосредоточено

на другом. Опускается также повествование о «запечатленных» от колен израилевых и поклонении ангелов и «народа многа» Богу.

Падение предвещающей конец мира звезды в тексте А. Фета оказывается более напряженным, но лишенным библейских подробностей («И пятый ангел воструби, и видех звезду с небес падшу на землю: и дан бысть ей ключ студенца бездны: и отверзе студенца бездны, и взыде дым от студенца яко дым пещи велики, и омерче солнце и воздух от дыма студеничнаго» [2]):

Вот проносящийся ангел трубит,
С треском звезда к нам на землю летит,
Землю прошибла до бездны глухой,
Вырвался дым, как из печи большой.

Две падающие с небес звезды в стихотворении объединяются в «И третий ангел воструби, и паде с небесе звезда велика, горящи яко свеща, и паде на третью часть рек и на источники водныя <...> и видех звезду с небес падшу на землю...» [2], сосредоточивая внимание на том эпизоде, который автор представляет как главный. Лексема *звезда* употребляется в окружении библеизмов, не обладающих яркой маркированностью (бездна, дым, печь, земля, протрубить) и не библейских единиц (летит, грозно, проноситься, треск и др.). Сфера библейского повествования расширяется, происходящее актуализируется, отчасти выходя за пределы воспроизведения Апокалипсиса, хотя при этом сюжет фрагмента воспроизводится фактически полностью.

Поэт воссоздает события, представленные в Писании, употребляя маркеры-библеизмы, однако употребляет в повествовании также не библейскую лексику, включающую в семантическую структуру сему интенсивности и делающую воспроизводимое повествование более экспрессивным: проносящийся, летит, прошибла, вырвался, грозно.

Ангел в стихотворении «Аваддон» не только трубит, но и находится в активном движении (проноситься — несомн. к пронестись,

т. е. «быстро пролететь, проехать, пробежать и т. п.» [10]). Поскольку глагол *лететь* можно воспринимать одновременно в библейском значении («падать») и в значении «мчаться» [10], звезда воспринимается как мчащаяся к земле. Не менее показательно изображение дыма, который извергает бездна (вырваться — «стремительно, с силой проявиться, выйти наружу» [10]).

Аналогичные приемы нагнетания напряженности и компрессии смыслов можно выделить в стихах А. Фета при описании появления саранчи. Сравним с источником: «И от дыма изыдоша пружи на землю, и дана бысть им область, якоже имут область скорпии земныя. И речено бысть им, да не вредят травы земныя, ни всякаго злака, ни всякаго древа, но человеки точию, иже не имут печати Божия на челех своих. И дано бысть им, да не убьют их, но да муку примут пять месяцев: и мучение их яко мучение скорпиево, егда усекнет человека. И в тыя дни взыщут человецы смерти, и не обрящутея: и вожделеют умрети, и убежит от них смерть. И уподобления пругов подобна конем уготовленным на брань: и на главах их яко венцы уподоблени злату, и лица их яко лица человеческа: и имеяху власы, яко власы женския, и зубы их, яко львов беша: и имеяху броня, яко броня железны, и глас крил их, яко глас колесниц, егда кони мнози текут на брань: и имея хуошибы подобны скорпииным, и жала бяху во ошибех их: и дана бе область им вредити человеки пять месяца» [2].

Это пространное повествование сокращается поэтом до 8 стихотворных строк:

Медными крыльями грозно стуча,
Вышла из дыма с коня саранча,
Львиные зубы, коса как у жен,
Хвост скорпионовым жалом снабжен...

Звуки, издаваемые саранчой, описаны как наводящие ужас: «...грозно стуча, Вышла из дыма с коня саранча» (грозно — нар. к грозный, т. е. «наводящий страх, ужас, грозящий бедой, гибелью» [10]).

Следует также отметить то, что в тексте А. Фета снимаются характерные для Писания повторы (дым, студенец, мучения, власы и пр.). Сохранен только один повтор: «Смерть призовете, и смерть не придет». Таким образом, поэт подчеркивает, что изображаемое оказывается хуже смерти.

Чрезвычайно показательна трансформация описания «ангела бездны», которое в «Откровении...» ограничено словами «И имели над собою царя аггела бездны, ему же имя еврейски аваддон, а еллински аполлион...» [2]. Возможно, «гордая краса» Аваддона — наследие традиции романтизма, включающей представление о демонической красоте. В стихотворении видим единственный контекст, расширяющий текст Апокалипсиса:

Царь ее гордой сияет красой,
То Аваддон, ангел бездны земной.

Стихотворение А. Фета завершается показательным фрагментом, отсутствующим в Апокалипсисе:

...Пусть же изведает всякая плоть,
Что испытания хочет Господь.

Заключительные строки стихотворения наиболее наглядно демонстрируют отличие лирического сюжета от исходного текста: утверждение, что Господь хочет не гибели, но испытания своего творения. Действительно, цель автора рассмотренного текста — не просто пересказать культурно значимый текст и показать конец мира, а акцентировать внимание на тревожности атмосферы времени, которое готовит многочисленные испытания.

Поэтические тексты XX в., как и стихи А. Фета, ориентированы если не на трансформацию, то на интерпретацию библейского повествования. Особенно показательна с этой точки зрения стихотворение М. Волошина «Видение Иезекииля» [3, с. 286], воспроизводящее пространственный фрагмент «Книги пророка Иезекииля». Для поэта чрезвычайно важно точно, хотя и более

лаконично, чем в исходном тексте, передать впечатление от явления Господа, поэтому используются уже не отдельные библеизмы, а целые текстовые фрагменты, несколько трансформированные и сокращенные автором (ср. Иезекииль, гл. 1):

Явлен был свет на реке на Ховаре.
В буре клубящейся двигался он —
Облак, несомый верховными силами —
Четверорукими, шестерокрылыми,
С бычьими, птичьими и человеческими,
Львиными ликами с разных сторон.

М. Волошин проводит явную параллель между «дщерью Иерусалима», о которой пророчествует Иезекииль, и своей родиной. Именно к России относятся завершающие текст слова:

Пусть тебя бьют, побивают камнями,
Хлещут бичами нечистую плоть,
Станешь бесплодной и стоптанной нивой...
Ибо любима любовью ревнивой —
Так говорю тебе Я — твой Господь!

Последние строки отличаются от текста Библии (ср. Иезекииль, гл. 16), что важно для интерпретирующего лирического произведения, в котором не только воспроизводится в поэтической форме библейская коллизия, но и переосмысляются маркированные библеизмами смыслы. Это может быть объяснено двояко: либо автор специально опустил слова «уже не буду гневаться» и «я прощу тебе все», ибо нет прощения стране, где предано все высокое, светлое и святое; либо он, рассчитывая на знание любым современным ему читателем этих строк Писания, подразумевает обещанное Богом прощение. По-видимому, более точной будет именно вторая интерпретация, связанная с употребленным в тексте словосочетанием «любима любовью ревнивой».

Помимо текста М. Волошина, наиболее показательными примерами интерпретации сюжета Писания с помощью отбора употре-

бляемых в нем лексем служат «Библейские стихи» А. Ахматовой [1, с. 241], где наименование каждого стихотворения сразу соотносит его с определенным библейским повествованием. Так, в стихотворении «Рахиль», наиболее близком к первоисточнику, воспроизводится история из Книги Бытия, на которую сразу указывают два имени собственных, а далее — еще два, которые определяют восприятие сюжета, поэтому наличие тех нарицательных существительных, которые воспринимаются как библеизмы лишь в контексте, не столь значимо, хотя и связано непосредственно с историей Иакова и Рахили.

И встретил Иаков в долине Рахиль,
Он ей поклонился, как странник бездомный.
Стада подымали горячую пыль,
Источник был камнем завален огромным.
Он камень своею рукой отвалил
И чистой водою овец напоил.
Но стало в груди его сердце грустить,
Болезнь, как открытая рана,
И он согласился за деву служить
Семь лет пастухом у Лавана.

Количество библеизмов, употребленных в стихотворении (Рахиль, Иаков, камень, напоить, семь лет), с одной стороны, демонстрирует следование сюжету Св. Писания, с другой — свидетельствует об отсутствии необходимости употребления большого количества подобных единиц и использовании только тех лексем, которые в полной мере являются маркерами соответствующего сюжета:

«И востав иаков на ноге, иде в землю восточную к лавану сыну вафуила сирина, брату же ревеки матери иаковли и исавли. узре же, и се, кладязь на поли: и бяху тамо три стада овец, почивающе при нем: от того бо-кладязянапаяхуся стада. Камень же велий бяше над устием кладязя. И собирахуся тамо вся стада: и отвалаху камень от устия кладязя и напаяху овцы: и паки полагаху камень на устии кладязя на месте своем. <...> Бысть же яко узре иаков рахиль дщерь лавана

брата матери своея и овцы лавана брата матери своея, и приступив иаков отвали камень от устия кладязя: и напои овцы лавана брата матери своея. <...> Возлюби же иаков рахиль. И рече: поработаю тебе семь лет за рахиль дщерь твою меньшую. Рече же ему лаван: лучше ми тебе дати ю, нежели иному отдати муже ви: со мною живи. И работа иаков за рахиль семь лет: и быша пред ним яко малы дни, занеже любяше ю. Рече же иаков лавану: даждь ми жену мою, понеже совершишася дни, да вниду к ней. Собра же лаван вся мужы места того, и сотвори брак. И бысть вечер, и поемь лаван лию дщерь свою, введе ко иакову: и вниде к ней иаков» [2].

Следует упомянуть, что автор иногда заменяет собственно библейскую лексику синонимами или словами, связанными с библеизмами гипо-гиперонимическими отношениями (например, кладезь — источник) и употребляет большое количество небиблейских лексических единиц.

Показательно, что текст, в целом близкий библейскому повествованию, обладает рядом существенных отличий от него, причем связанных не только со стилем и словоупотреблением, но и отчасти с сюжетными изменениями.

Специфика лирического текста XX в. определяет трансформацию первоисточника. Это прежде всего опущение незначимых для автора и противоречащих требованию краткости поэтического текста подробностей и пространных высказываний героев, характерных для библейского повествования: «Рече же им иаков: братия, откуда есте вы? они же реша: от харрана ес мы. Рече же им: знаете ли лавана сына нахорова? они же реша: знаем. Рече же им: здравствует ли? они же реша: здравствует. И се, рахиль дщи его идяше со овцами. И рече иаков: еще есть дне много, не у час собирати скота: напоивше овцы, шедше пасите. они же реша: не можем, дондеже соберутся вси пастуси и отвалят камень от устия кладязя, и напоим овцы. еще ему глаголющу к ним, и се, рахиль дщи лавана грядяше со овцами отца своего: она бопасяше

овцы отца своего. <...> и целова иаков рахиль, и возопив гласомъ своим, восплакася: и поведра рахили, яко брат отца ея есть и яко сын ревекинъ есть. И текши поведра отцу своему по словесем сим. Бысть же яко услыша лаван имя иакова сына сестры своея, тече во сретение ему и объемь его лобза, и введе его в домъ свой. И поведра лавану вся словеса сия. И рече ему лаван: от костей моих и от плоти моея еси ты. И бе с ним месяц дний. Рече же лаван иакову: понеже брат мой еси ты, да не поработаеши мне туне: повеждь ми, что мзда твоя есть? у лавана же бесте две дщери: имя старейшей лия, имя же юнейшей рахиль. очи же лияны болезненны: рахиль же бе добра видом и красна взором зело. <...> Даде же лаван лии дщери своей зельфу рабыню свою, ей в рабу. Бысть же заутра, и се, бяшелиа, и рече иаков лавану: что сие сотворил ми еси? не рахили ли ради работах у тебе? вскую же обидел мя еси? отвеща же лаван: несть тако в нашемъ месте вдати меньшую прежде старейшия. Скончай убо седмины сея, и дам ти и сию за дело, еже делаеши у мене еще семь лет другия» [2].

Весьма показательно сопоставление приведенного выше фрагмента с текстом А. Ахматовой:

Но много премудр сребролюбец Лаван,
И жалость ему незнакома.
Он думает: каждый простится обман
Во славу Лаванова дома.
И Лию незрячую твердой рукой
Приводит к Иакову в брачный покой.

Стихи А. Ахматовой — истории любви, поэтому в тексте вообще не упоминается рассказ о рабынях и о сыновьях, рожденных Иакову Лией и рабынями, зато появляются дополнительные элементы сюжета, вербализованные только именами главных героев, без использования другой библейской лексики:

И снится Иакову сладостный час:
Прозрачный источник долины,
Веселые взоры Рахилиных глаз

И голос ее голубиный:
Иаков, не ты ли меня целовал
И черной голубкой своей называл?

Спецификой лирического текста XX в. обусловлено добавление изображения внутреннего мира персонажей и описания их чувств («Но стало в груди его сердце грустить»; «Он думает: каждый простится обман...»); появляется изображение чувств и высказываний, совершенно невозможных для персонажей Св. Писания:

Течет над пустыней высокая ночь,
Роняет прохладные росы,
И стонет Лаванова младшая дочь,
Терзая пушистые косы,
Сестру прокликает, и Бога хулит,
И ангелу смерти явиться велит.

Неэмоциональное высказывание о любви Иакова («И служил Иаков за Рахиль семь лет; и они показались ему за несколько дней, потому что он любил ее») трансформируется в экспрессивное риторическое восклицание, в равной мере принадлежащее герою и автору:

Рахиль! Для того, кто во власти твоей,
Семь лет словно семь ослепительных дней.

При пересказе библейского сюжета появляются мелкие подробности («как странник бездомный», «Стада подымали горячую пыль», «чистой водою овец напоил», «Лию незрячую твердой рукой Приводит к Иакову в брачный покой») и повышается степень экспрессивности текста (камень — не большой, а огромный; полюбил — сердце стало грустить, болеть; «И стонет Лаванова младшая дочь, Терзая пушистые косы»).

Помимо этого, за пределы словоупотребления Писания выходит образность поэтического текста — метафоры, эпитеты и сравнения (болеть, как открытая рана; ослепительных дней; высокая ночь, сладостный час).

Показательно, однако, что в том же мини-цикле А. Ахматовой помещено стихотворение «Мелхола», для которого характерна высокая степень трансформации библейского повествования, в том числе за счет невысокой употребительности библеизмов. Тем не менее два имени собственных, употребленных контактно, сразу проясняют, какой фрагмент Св. Писания послужил источником поэтического переосмысления стихотворения «Мелхола», в котором объединены два библейских сюжета — из 16 и 18 главы Книги Царств. Поэт изменяет текст 16 главы почти до неузнаваемости, изображение процесса творчества становится главным в начале стихотворения, а страх и враждебность царя Саула по отношению к Давиду не упоминаются.

Во второй части произведения А. Ахматовой мы видим явное изменение краткого стиха из главы 18: «Но Давида полюбила другая дочь Саула, Мелхола». Здесь библеизмы фактически отсутствуют (кроме имен персонажей и апокрифического имени Лилит). Перед нами классическое произведение любовной лирики:

... хочет Мелхола Давида.
Бледнее, чем мертвая; рот ее сжат;
В зеленых глазах иступленье;
Сияют одежды, и стройно звенят
Запястья при каждом движенье.
Как тайна, как сон, как праматерь Лилит...

В стихотворении «Лотова жена», в котором автор формально не отходит от библейского сюжета, в центре повествования оказывается эта героиня, а сам текст — не повествование об участии Содома и Гоморры, а поэтическое исследование женской души. Посвященный жене Лота стих в Библии очень краток: «Жена же Лотова оглянулась позади его и стала соляным столпом». Но в тексте А. Ахматовой этот сюжет, с одной стороны, сокращается, а с другой — обогащается подробностями: причина, по которой героиня оглянулась, подробно излагается, однако

опущены слова ангела и диалог. Известный библейский сюжет дополняется биографическими подробностями, воспоминаниями и эмоциями героини:

...Но громко жене говорила тревога:
Не поздно, ты можешь еще посмотреть
На красные башни родного Содома,
На площадь, где пела, на двор, где пряла,
На окна пустые высокого дома,
Где милому мужу детей родила.

Подробно описываются отсутствующие в Писании стадии процесса превращения жены Лота в соляной столп:

Взглянула, и, скованы смертною болью,
Глаза ее больше смотреть не могли;
И сделалось тело прозрачною солью,
И быстрые ноги к земле приросли.

Один из наиболее интересных поэтических текстов, интерпретирующих описанные в Св. Писании события — «Сретенье» И. Бродского [11, с. 287]. Для этого стихотворения характерно, с одной стороны, точное следование сюжету Евангелия в целом, а с другой — значительное увеличение объема повествования, обретающего психологизм и философский подтекст.

Употребления имен «святой Симеон» и «пророчица Анна» достаточно для узнавания сюжета, который в целом повторяет библейский. Речь Симеона также передана чрезвычайно близко к тексту Евангелия. Однако в тексте происходят явные изменения — сюжетные и лексико-стилистические. Это изменения не только частные («русифицируется» наименование храма — церковь, изменяется номинация Бога, лексема «язычники» заменяется сложным наименованием «идолов чтящие племена»), но и влияющие на восприятие повествования в целом: последовательность изложения меняется (предсказанное Симеону сообщается не в начале, а непосредственно перед обращением персонажа к Богу, опускается характеристика

Симеона и фрагмент, посвященный Анне, как не значимые для описываемого события). Показательно, что автор использует не лексему Христос, а словосочетание «сын господень», подчеркивая, что младенец — пока просто дитя, которое не называют ни одним из божественных имен:

... увидит он смертную тьму
не прежде, чем сына увидит Господня.

И. Бродский вводит ряд подробностей, для изображения которых не обязательна библейская лексика: бытовых («посапывал сонно», «тишина обступила»), образных («стояли, как зыбкая рама»; «храм обступал их, как замерший лес»; «эхо тех слов, задевая стропила, кружилось ... слегка шелестя под сводами храма, как некая птица») и символических («на темя случайным лучом свет падал младенцу»):

От взглядов людей и от взоров небес
вершины скрывали, сумев распластаться,
в то утро Марию, пророчицу, старца.
И только на темя случайным лучом
свет падал младенцу; но он ни о чем
не ведал еще и посапывал сонно,
покоясь на крепких руках Симеона.

Поэт обогащает поэтическое повествование передачей ощущений присутствующих и добавляет к библейскому повествованию речевую характеристику персонажей легенды — мысли Марии и слова Симеона:

Смущена,
Мария молчала. «Слова-то какие...»

И старец сказал, повернувшись к Марии:
«В лежащем сейчас на раменах твоих
паденье одних, возвышенье других...»

Особенно показательна заключительная часть стихотворения, которая развивает и углубляет сюжет Писания; в ней описывается процесс «ухода» из храма и земной жизни вообще и дается характеристика Младенцу как воплощенному свету, который сильнее смерти:

И образ Младенца с сияньем вокруг
пушистого темени смертной тропею
душа Симеона несла пред собою
как некий светильник, в ту черную тьму,
в которой дотоле еще никому
дорогу себе озарять не случалось.

Таким образом, рассмотренные поэтические тексты наглядно демонстрируют, что:

1. знаки-маркеры, указывающие на библейский сюжет, должны быть не многочисленны, а концептуально значимы и легко узнаваемы;
2. отступление от библейского текста не искажает глубинный смысл повествования.

Следовательно, на основании проведенного анализа можно утверждать, что, с одной стороны, отступление от библейского текста в поэзии XX в. может быть парадоксально связанным с углублением для современного читателя смысла евангельского повествования, а с другой стороны — что Библия и в XIX-XX вв. служит неисчерпаемым источником поэтического вдохновения и культурно-эстетической интерпретации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ахматова А. А. Избранное / сост. Г. С. Выдревич. СПб.: Диамант, 1998. 445 с.
2. Библия на церковно-славянском языке // Моя Библия онлайн. [Электронный ресурс]. URL: http://www.my-bible.info/biblio/bib_tsek_rus/index.html (дата обращения 17.01.2022).
3. Волошин М. Стихотворения и поэмы. СПб.: Наука, 1995. 704 с.
4. Господа нашего Иисуса Христа святое Евангелие от Матфея, Марка, Луки и Иоанна: на славянском и русском языке. СПб.: Синодальная типография, 1913. 464 с.

5. *Климович Н. В.* Библизмы в художественном тексте: типологический, функциональный и переводческий аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Красноярск, 2010. 16 с.
6. *Романова Г. В.* Использование библизмов в поэзии Марины Ивановны Цветаевой: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2003. 20 с.
7. *Семенова Е. С.* Библизм как средство речевого воздействия: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2003. 19 с.
8. *Сергеева Е. В.* Особенности употребления библизмов в русской поэзии XX века // Лингвистические параметры художественного текста: межвузовский сборник научных статей. Оренбург: Оренбургский государственный педагогический университет, 2010. С. 54–64.
9. *Сергеева Е. В.* Особенности употребления библизмов в поэзии М. Волошина // Слово и текст в культурном сознании эпохи: сборник научных трудов. Ч. 8. Вологда: Вологодский государственный педагогический университет, 2011. С. 186–192.
10. Словарь русского языка: в 4-х т. / под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999.
11. Сочинения Иосифа Бродского. В 4-х т. / сост. Г. Ф. Комаров. СПб.: Пушкинский фонд, 1992–1995.
12. *Фет А. А.* Вечерние огни: Стихи. М.: Наука, 1979. 816 с.
13. *Фомина К. С.* Некоторые особенности функционирования библизмов в современном поэтическом тексте // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 1-1 (31). С. 184–186.
14. *Эткинд Е.* Библизмы в русской поэтической речи. [Электронный ресурс]. URL: http://www.persee.fr/web/revues/home/prescript/article/cmr_1252-6576_1998_num_39_4_2544 (дата обращения 20.03.2022).

REFERENCES

1. *Akhmatova A. A.* Izbrannoe / sost. G. S. Vydrevich. SPb.: Diamant, 1998. 445 s.
2. Bibliya na tserkovno-slavyanskom yazyke // Moya Bibliya onlajn. [Elektronnyj resurs]. URL: http://www.my-bible.info/biblio/bib_tsek_rus/index.html (data obrashcheniya 17.01.2022).
3. *Voloshin M.* Stikhotvoreniya i poemny. SPb.: Nauka, 1995. 704 s.
4. Gospoda nashego Iisusa Khrista svyatoe Evangelie ot Matfeya, Marka, Luki i Ioanna: na slavyanskom i russkom yazyke. SPb.: Sinodal'naya tipografiya, 1913. 464 s.
5. *Klimovich N. V.* Bibleizmy v khudozhestvennom tekste: tipologicheskij, funktsional'nyj i perevodcheskij aspekt: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Krasnoyarsk, 2010. 16 s.
6. *Romanova G. V.* Ispol'zovanie bibleizmov v poezii Mariny Ivanovny Tsvetaevoj: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Voronezh, 2003. 20 s.
7. *Semenova E. S.* Bibleizm kak sredstvo rechevogo vozdejstviya: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Tver', 2003. 19 s.
8. *Sergeeva E. V.* Osobennosti upotrebleniya bibleizmov v russkoj poezii XX veka // Lingvisticheskie parametry khudozhestvennogo teksta: mezhvuzovskij sbornik nauchnykh statej. Orenburg: Orenburgskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet, 2010. S. 54–64.
9. *Sergeeva E. V.* Osobennosti upotrebleniya bibleizmov v poezii M. Voloshina // Slovo i tekst v kul'turnom soznanii epokhi: sbornik nauchnykh trudov. Ch. 8. Vologda: Vologodskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet, 2011. S. 186–192.
10. Slovar' russkogo yazyka: v 4-kh t. / pod red. A. P. Evgen'evoj. 4-e izd., ster. M.: Rus. yaz.; Poligrafresursy, 1999.
11. Sochineniya Iosifa Brodskogo. V 4-kh t. / sost. G. F. Komarov. SPb.: Pushkinskij fond, 1992–1995.
12. *Fet A. A.* Vechernie ogni: Stikhi. M.: Nauka, 1979. 816 s.
13. *Fomina K. S.* Nekotorye osobennosti funktsionirovaniya bibleizmov v sovremennom poeticheskom tekste // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2014. № 1-1 (31). S. 184–186.
14. *Etkind E.* Bibleizmy v russkoj poeticheskoj rechi. [Elektronnyj resurs]. URL: http://www.persee.fr/web/revues/home/prescript/article/cmr_1252-6576_1998_num_39_4_2544 (data obrashcheniya 20.03.2022).